

160
650

МОСКОВСКАЯ
ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ
КОМИССІЯ

Проф. С. Н. БУЛГАКОВЪ.

ХРИСТИАНСТВО
И СОЦІАЛИЗМЪ.

МОСКВА 1917.

ЦѢНА 50 КОП.

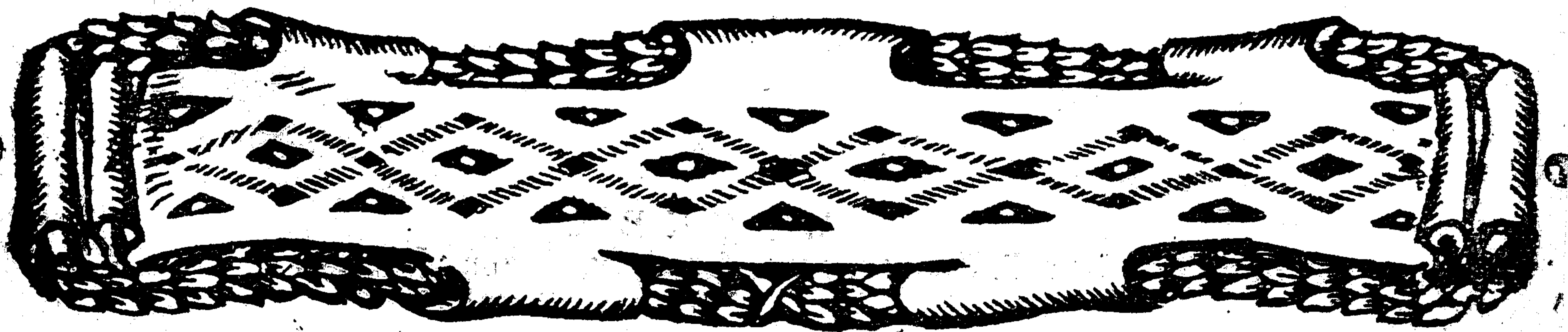

МОСКОВСКАЯ
ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ
КОМИССІЯ

Проф. С. Н. БУЛГАКОВЪ.

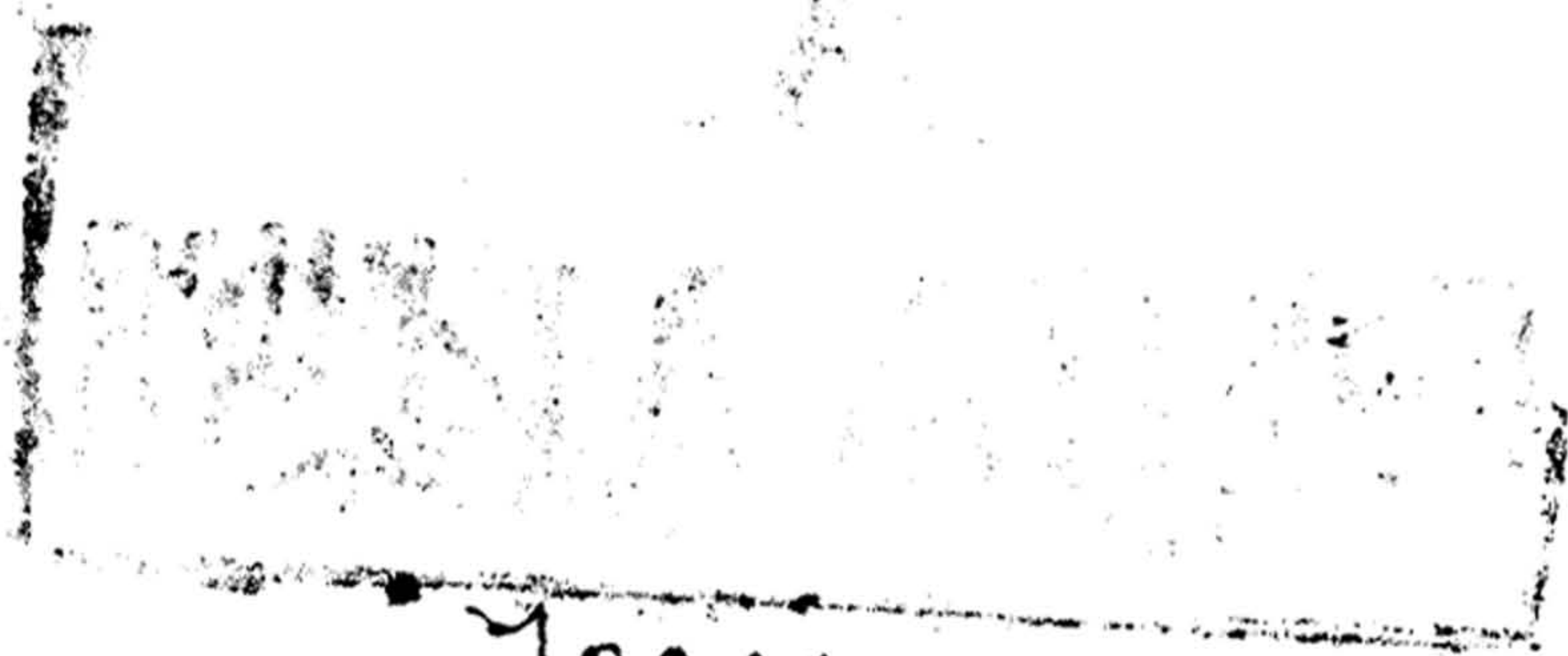
ХРИСТИАНСТВО
И СОЦІАЛИЗМЪ.

МОСКВА 1917.

В. ЧИБД
Бул.

2

70220

МОСКВА.

Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстн. бульв., Путинков. пер., д. 3.
1917.

Христiанство и соціализмъ.

I.

Первое искушеніе Христа въ пустынь.

Каждому памятенъ евангельскій разсказъ объ искушеніяхъ Христа въ пустынь и, въ частности, о первомъ изъ нихъ „И, постившись сорокъ дней и сорокъ ночей, напоследокъ взалкалъ. И приступилъ къ Нему искушитель и сказалъ: если Ты Сынъ Божій, скажи, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбами. Онъ же сказалъ ему въ отвѣтъ: написано: не хлѣбомъ однимъ живъ будетъ человекъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ“. (Мѡ. 4, 2—4). Всякое искушеніе содержитъ въ себѣ нѣкую правду, извращенную однако до односторонности и лжи. Чувство голода, угрожающаго истощеніемъ, свидѣтельствуемъ о какой-то обидной слабости человека, благодаря которой онъ оказывается плѣнникомъ природной стихіи; этотъ плѣнъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ нормальное, достойное состояніе человека, онъ рвется изъ него на свободу силою своего творческаго духа. И въ божественной мощи этого духа заложена сила повелѣвать природой, дѣлать изъ камней хлѣбы. Эту силу имѣлъ и явилъ Богочеловекъ, Который при другихъ обстоятельствахъ насыщалъ тысячи народа въ пу-

стынѣ нѣсколькими хлѣбами и рыбами; стало быть, ничего по существу невозможнаго для Него не предлагалъ. Ему искушитель. Ложь сатаны состояла лишь въ томъ, что божественную мощь онъ совѣтовалъ использовать для временныхъ цѣлей темнаго, смертнаго бытія, какъ бы превратить ее въ орудіе магіи и колдовства. Но Сынъ Человѣческій пришелъ не затѣмъ, чтобы съ наибольшимъ удобствомъ устроить насъ въ этой темной, грѣховной и смертной жизни, но чтобы спасти отъ нея, побѣдивъ ее въ самыхъ ея основахъ. Бороться со зломъ міра сего средствами этого же міра и въ его предѣлахъ совсѣмъ не входило въ задачу Искупителя міра. Это значило бы признать его всепобѣдную мощь и обратиться къ устройенію царства отъ міра сего. Между тѣмъ міръ этотъ въ данномъ состояніи долженъ быть разрушенъ, перейдя въ иную плоскость бытія, въ которой естественно теряютъ силу всѣ эти тяготы и соблазны. Иначе говоря, искушитель хотѣлъ Спасителя міра сдѣлать плѣнникомъ этого міра, а вмѣстѣ и для него мессіей, мировымъ реформаторомъ, вооруженнымъ для этой цѣли сверхчеловѣческой мощью. Эта мощь, конечно, была достаточна, чтобы совершенно и окончательно разрѣшить всѣ хозяйственные вопросы всеобщимъ превращеніемъ камней въ хлѣбы, устроить царство земного благополучія, окончательно упрочить міръ въ его данномъ состояніи, установить „рай на землѣ“. Повторяемъ, сила искушенія была въ относительной правдѣ его мотива. Сынъ Божій дѣйствительно взалкалъ въ пустынѣ и не отъ Своего только лица, но и вмѣстѣ со всѣмъ человечествомъ, которое томится въ цѣпяхъ голода и теряетъ человѣческій образъ въ непосильной

борьбѣ съ природой. Вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, развѣ же мы не знаемъ, что голодъ разрушаетъ не только тѣла, но и души, порочитъ нравственное существо, толкаетъ на грѣхъ и преступленіе. И развѣ не является поэтому дѣйствительно соблазнительной мысль о томъ, чтобы прежде всего и какою угодно цѣной побѣдить голодъ, разбить цѣпи бѣдности, и тогда уже спрашивать о небѣ. Это обезпечивало бы для Иисуса, конечно, и вѣрный успѣхъ Его проповѣди, а отнюдь не сулило Голгофы. Не даромъ же толпы народа, которыя питались въ пустынѣ Его словомъ, когда, вкусивъ хлѣба и рыбъ чудеснаго насыщенія, стали говорить то, чего, очевидно, онѣ не говорили, даже слушая Его слово: „это истинно тотъ пророкъ, которому должно придти въ міръ“. И здѣсь же въ Евангеліи присоединена и такая черта: „Иисусъ же узнавъ, что хотятъ прійти, нечаянно взять Его и сдѣлать царемъ, опять удалился на гору одинъ“ (Іоан. 6, 14—15). Такъ велико было немедленное дѣйствіе только одного насыщенія. Тотъ, кто овладѣлъ бы силой дѣлать это всегда и для всѣхъ, естественно становился царемъ этого міра и въ своей мощи получалъ источникъ власти надъ нимъ, царство отъ міра сего. Итакъ, вотъ о чемъ шла рѣчь въ этомъ бездонно глубокомъ по значенію разговорѣ въ пустынѣ въ первой его части: что надо положить въ основу спасенія человечества и заботы о немъ: надо ли немедленно освободить его отъ хозяйственнаго плѣненія превращеніемъ камней въ хлѣбы, или же оставить до времени нетронутой стихію міра и всю силу борьбы за спасеніе перенести въ человеческое сердце! Какимъ надо пойти путемъ—хозяйственнымъ или религіознымъ въ дѣлѣ спасенія міра?

И былъ отвѣтъ: человекъ живетъ не однимъ хлѣбомъ, какъ думаютъ многіе, но всякимъ словомъ Божиимъ. Существуетъ иной законъ, иная сила жизни, которая превозмогаетъ неодолимую стихію міра. Нельзя повѣрить мощи этой стихіи до такой степени, чтобы ее и сдѣлать основой спасенія человечества, ибо оно, лишившись слова Божія, зачахнетъ и изсохнетъ духовно. Надо идти чрезъ этотъ міръ, но ему не вѣруя: вотъ истинный путь Сына Божія и слѣдующихъ за Нимъ, иначе подчиненіе этому міру лишь маскировалось бы хозяйственнымъ имъ овладѣніемъ. И въ отвѣтъ Христа на первое искушеніе предрѣшается уже, вмѣсто славы земного мессіи, чудотворца и благодѣтеля, жизнь въ нищетѣ и скитаніяхъ, не имѣя гдѣ главы преклонить, а въ перспективѣ— Голгоѳа.

Справедливо говоритъ Достоевскій, что явно чудесна глубина содержанія этихъ немногихъ строкъ евангельскаго разказа: въ нихъ предопредѣлено духовное содержаніе всей исторіи человечества, и смыслъ ихъ становится все вразумительнѣй при свѣтѣ историческаго опыта. „Страшный и умный духъ (читаемъ у Достоевскаго въ рѣчи Великаго Инквизитора, обращенной къ Христу) говорилъ съ Тобой въ пустынь и намъ передано въ книгахъ, что онъ будто бы „искушалъ“ Тебя. Такъ ли это? И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннѣе того, что Онъ возвѣстилъ Тебѣ въ трехъ вопросахъ и что Ты отвергъ и что въ книгахъ названо „искушеніями“? А между тѣмъ, если было когда-либо на землѣ совершено настоящее громовое чудо, то это въ тотъ день этихъ трехъ искушеній. Именно въ появленіи этихъ трехъ вопросовъ и заключалось

чудо. Если бы возможно было помыслить лишь для пробы и для примѣра, что три эти вопроса страшнаго духа безслѣдно утрачены въ книгахъ и что ихъ надо возстановить, вновь придумать и сочинить, чтобы внести опять въ книги, и для этого собрать всѣхъ мудрецовъ земныхъ, правителей, первосвященниковъ, ученыхъ, философовъ, поэтовъ и задать имъ задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такіе, которые мало того, что соотвѣтствовали бы размѣру событія, но и выражали бы сверхъ того въ трехъ только фразахъ человѣческихъ всю будущую исторію міра и человечества, то думаешь ли Ты, что вся премудрость земли, вмѣстѣ соединившаяся, могла бы придумать хоть что-нибудь подобное по силѣ и глубинѣ тѣмъ тремъ вопросамъ, которые дѣйствительно были предложены Тебѣ тогда могучимъ и умнымъ духомъ въ пустынѣ. Ужъ по однимъ вопросамъ этимъ, лишь по чуду ихъ появленія, можно понимать, что имѣешь дѣло не съ человѣческимъ текущимъ умомъ, а съ вѣковѣчнымъ и абсолютнымъ. Ибо въ этихъ трехъ вопросахъ какъ бы совокуплена въ одно цѣлое и предсказана вся дальнѣйшая исторія человечества и явлены три образа, въ которыхъ сойдутся всѣ неразрѣшимыя историческія противорѣчія человеческой природы по всей землѣ“.

„Вспомни первый вопросъ: хоть не буквально, но смыслъ его тотъ: „Ты хочешь идти въ міръ и идешь съ голыми руками, съ какимъ-то обѣтомъ свободы... А видишь ли сіи камни въ этой нагой и раскаленной пустынѣ? Обрати ихъ въ хлѣбы, и за Тобою побѣжитъ человечество, какъ стадо, благодарное и послушное, хотя и вѣчно трепещущее, что Ты отнимешь руку Твою, и прекра-

тятся имъ хлѣбы Твои. Но Ты не хотѣлъ лишить челоуѣка свободы и отвергъ предложеніе, ибо какая же свобода, разсудилъ Ты, если послушаніе куплено хлѣбами. Ты возражалъ, что челоуѣкъ живъ не единымъ хлѣбомъ, но знаешь ли, что во имя этого самаго хлѣба земного и возстанетъ на Тебя духъ земли и сразится съ Тобой и побѣдитъ Тебя, и всѣ пойдутъ за нимъ восклицая: „кто подобенъ звѣрю сему, онъ далъ намъ огонь съ небесъ“. Знаешь ли Ты, что пройдутъ вѣка, и челоуѣчество провозгласитъ устами премудрости своей, что преступленія нѣтъ, а стало быть нѣтъ и грѣха, а есть лишь только голодные. „Накорми и тогда спрашивай съ нихъ добродѣтели“. Вотъ что напишутъ на знамени, которое воздвигнутъ противъ Тебя и которымъ разрушится храмъ Твой. На мѣстѣ храма Твоего воздвигнется новое зданіе, воздвигнется вновь строямая Вавилонская башня“. И первое искушеніе въ грандіозныхъ, никогда еще доселѣ невиданныхъ размѣрахъ переживается въ наши дни, когда челоуѣчество, приобрѣтая нѣкоторое частичное умѣніе превращать камни въ хлѣбы, повѣрило въ это превращеніе какъ единственный путь спасенія челоуѣчества. Оно, внявъ голосу искушителя, соблазнилось его соблазномъ. Это и есть религіозный соблазнъ социализма.

II.

Свобода отъ хозяйства и свобода въ хозяйствѣ.

Соціализмъ хочетъ извести челоуѣчество изъ плѣна хозяйственной неволи, которая тяготѣетъ надъ всѣмъ челоуѣчествомъ. Трудъ въ потъ лица съ терніями вмѣсто хлѣба—таковъ удѣль чело-

вѣчества на землѣ проклятiя. Земля стала вмѣсто матери мачехой для человѣчества, и только тяжелымъ неусыпнымъ трудомъ отстаиваетъ оно свое существованіе. Жизнь превратилась въ борьбу за существованіе, о которой настойчиво учитъ современная наука, въ борьбу съ бѣдностью, которая выражается въ стремленіи къ богатству. И эта хозяйственная забота изнуряетъ духъ чловѣка, а хозяйственный трудъ напрягаетъ его силы. Поэтому естественно возникаетъ вопросъ: нельзя ли вообще освободиться отъ хозяйственнаго плѣна, завоевать свободу отъ хозяйства? Этотъ голосъ звучитъ въ чловѣкѣ тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ ощутительнѣй становится для него этотъ хозяйственный плѣнъ, чѣмъ тягостнѣе онъ его переживаетъ. Именно въ наши дни, когда хозяйственное овладѣніе природой, или „производство богатствъ“ достигло небывалыхъ размѣровъ, въ вѣкѣ всеобщаго экономизма мысли и жизни становится наиболее сильнымъ это желаніе обрести хозяйственную свободу, перейдя въ нѣкое сверхъ-хозяйственное или внѣхозяйственное состояніе. Эту побѣду надъ хозяйствомъ и сулитъ теперь социализмъ, обѣщающій, по выраженію Маркса, прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы.

Самую свободу отъ хозяйства можно представлять себѣ однако двоякимъ способомъ: какъ свободу духовную, достигаемую напряженіемъ духовныхъ силъ; и какъ свободу чисто хозяйственную, осуществляемую черезъ хозяйство, такъ называемымъ „развитіемъ производительныхъ силъ“. Первая достижима на пути религіозномъ, указуемомъ христіанствомъ, а также и другими религіями, напримѣръ, буддизмомъ; вторая же соотвѣтствуетъ социалистическимъ обѣтованіямъ.

Буддизмъ учитъ своихъ послѣдователей совершенному безстрастію, умиранію для міра, въ которомъ обезсиливается, притупляется чувство и хозяйственной неволи. Совершенная нечувствительность къ лишеніямъ, смерть заживо, есть идеаль буддійскаго подвижника, онъ презираетъ и пренебрегаетъ хозяйствомъ вмѣстѣ съ другими мірскими силами. Конечно, этотъ идеаль можетъ быть по плечу только исполинамъ подвижничества, но въ мѣру его вмѣщенія достигается свобода отъ хозяйственной тревоги, нужда изгоняется изъ сердца, хотя и сохраняетъ силу надъ тѣломъ.

Христіанство указываетъ путь совершенной свободы отъ хозяйственной заботы: Христосъ учитъ не заботиться о завтрашнемъ днѣ, жить какъ птицы и цвѣсти, какъ полевья лиліи, предоставляя себя заботѣ Отца Небеснаго. И кто силой вѣры и религіознаго подвига способенъ всегда чувствовать на себѣ эту любовь и попеченіе Небеснаго Отца, тотъ становится чадомъ Божіимъ, онъ свободенъ и отъ хозяйственной неволи, свободенъ такой свободой, которая и не снилась социалистамъ. Для него святая бѣдность становится обрученной невѣстой, съ которой онъ испытываетъ блаженство. Чтобы постигнуть это, достаточно вызвать въ памяти плѣнительный образъ Франциска Ассизскаго, который свою святую жизнь превратилъ въ гимнъ добровольной бѣдности, какъ высшему блаженству. Эта побѣда надъ міромъ, рождающаяся изъ полноты вѣры въ Бога и изъ невѣрія въ силы міра и даже въ самую страшную изъ нихъ силу голода, сопровождается чувствомъ непрестанно совершающагося чуда любви Божіей къ міру, но она ведетъ и къ дѣйствительному измѣненію законовъ естества.

Мы знаемъ, что подвизавшіеся многіе годы въ пустынь могли недѣлями и мѣсяцами оставаться вовсе безъ пищи и вообще довольствоваться столь ничтожнымъ ея количествомъ, какое невозможно было бы для обыкновеннаго человѣка. Это указываетъ, что христіанскій путь къ хозяйственной свободѣ ведетъ не черезъ хозяйство, а какъ бы поверхъ его, черезъ преобразование человѣческой природы, ибо не хлѣбомъ однимъ живетъ человѣкъ, но и всякимъ словомъ Божиимъ. Хозяйственный плѣнъ человѣка есть не первопричина, но слѣдствіе, онъ вызванъ общимъ измѣненіемъ человѣка въ отношеніи къ природѣ, которое явилось результатомъ грѣховной порчи самаго человеческого существа. Въ міръ вошла смерть, жизнь стала смертной, отсюда и появилась гибельная зависимость человѣка отъ пищи, отъ стихій міра, овладѣніе которыми все равно не спасетъ его отъ ранней или поздней смерти. Плѣнъ хозяйства это есть сила смерти, господствующая въ людяхъ; вкушая жизнь, мы вкушаемъ и смерть. И только Спаситель міра, Побѣдитель смерти, даетъ намъ пищу живота вѣчнаго Тѣломъ и Кровью Своею. Насколько герои вѣры, святые подвижники, уже въ нынѣшнемъ вѣкѣ дышатъ воздухомъ воскресенія, будущаго вѣка, для нихъ теряютъ частично силу и законы этого міра, у нихъ иная фізіологія. Но и каждый вѣрующій христіанинъ въ мѣру своей вѣры долженъ охранять свою духовную свободу отъ хозяйства, не отдавать себя всего и до конца хозяйственной работѣ, не признавая хозяйственной стихіи первой и опредѣляющей человѣческую жизнь и свободу. Человѣкъ даже и въ состояніи самаго тяжкаго хозяйственнаго плѣна можетъ, а потому и долженъ чувствовать въ себѣ сына Бо-

жія, призваннаго къ свободѣ. Онъ не долженъ ду х о в н о ощущать себя плѣнникомъ этого міра, даже и неся на себѣ его оковы, ибо въ сердцѣ своемъ, въ вѣрѣ своей онъ имѣетъ залогъ иной жизни, иного закона—любви божественной. И только такую внутреннюю свободу отъ хозяйства, такую побѣду надъ его соблазномъ и должно религиозно цѣнить,—ее можетъ дать себѣ только самъ человекъ, но не дадутъ ея никакія хозяйственныя реформы. „Гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше“. Самое богатое развитіе производительныхъ силъ, экономическій расцвѣтъ можетъ сопровождаться такимъ порабощеніемъ человека хозяйственной стихіи, такимъ духовнымъ его плѣненіемъ, какого не наблюдается и при крайней бѣдности. Вообще трудно „надѣющемся на богатство“, ему отдавшему свое сердце, входить въ царство небесное, подниматься къ духовной свободѣ. Итакъ, пути христіанской свободы и свободы въ хозяйствѣ могутъ расходиться или не совпадать. Во всякомъ случаѣ, хозяйственная свобода для христіанской свободы не имѣетъ рѣшающаго значенія.

Однако христіанство серьезно и строго относится къ хозяйственнымъ обязанностямъ человека. Онъ не долженъ снимать съ себя всеобщей повинности труда, возложенной на него заповѣдью Божіей. Притомъ міръ этотъ есть созданіе Божіе, Божій садъ, хотя и запущенный и заросшій сорными травами. Человекъ не наемникъ, чуждый природѣ, онъ призванъ царствовать надъ нею. Трудъ имѣетъ незамѣнимое значеніе для человека, какъ средство воспитанія воли, борьбы съ дурными склонностями, наконецъ, какъ возможность служенія ближнимъ. Поэтому вліяніе христіанства

въ хозяйственной исторіи привело къ тому, что оно безмѣрно подняло сознаніе достоинства труда, не признававшася въ древнемъ мірѣ, а въ частности и хозяйственнаго „производительнаго“ труда. Не даромъ же христіанскіе монастыри оказались очагами хозяйственной культуры, а аскеты усерднѣйшими подвижниками труда. Однимъ словомъ, можно сказать, что христіанство оздоровило и укрѣпило хозяйственную жизнь Европы, внеся въ нее новую и огромную силу—моральный авторитетъ труда. Насколько христіанство каждому велитъ блюсти въ себѣ свободу отъ хозяйства, не дозволяя заботѣ до конца овладѣвать сердцемъ, повелѣвая оставаться духовно свободнымъ отъ хозяйства при всякомъ хозяйственномъ строѣ, настолько же рѣшительно оно никому не позволяетъ освободить себя отъ труда, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ. Трудъ обязателенъ для всѣхъ: кто не трудится, да не ѣсть. Это христіанское уваженіе къ труду, возстановившее его авторитетъ, нечувствительно переродилось въ то превозношеніе труда и самопревозношеніе рабочаго класса, которое отличаетъ современную „демократію“. Такое самопревозношеніе, конечно, глубоко чуждо духу христіанства. Оно возникаетъ не изъ пониманія труда, какъ религіознаго послушанія, наложеннаго на насъ какъ средство воспитанія и какъ долгъ передъ природой, но изъ человѣческаго самоутвержденія, которое мнитъ трудъ всеильнымъ.

Поэтому христіанство знаетъ свободу въ хозяйствѣ, но не обѣщаетъ свободы отъ хозяйства и чрезъ хозяйство. Напротивъ, христіанство видитъ въ немъ лишь одно изъ послѣдствій грѣха, и даже нельзя желать освободить человечество въ

его данномъ состояніи отъ хозяйственнаго труда. Въ самомъ дѣлѣ, лишь представимъ себѣ на минуту, что найдено дѣйствительно средство превращать камни въ хлѣбы, т.-е. не только снять всю тяготу хозяйственной заботы, но сдѣлать природу вполне послушной желаніямъ человека, какъ это изображается въ социалистическихъ мечтаніяхъ. Какъ употребилъ бы свой досугъ, неимовѣрную свою свободу человекъ въ его теперешнемъ состояніи? Какую пустоту и томящую скуку, какую неистовую тоску ощутили бы тогда люди! Стремленіе уйти отъ себя, „развлечь“ себя приняло бы подавляющіе размѣры, но все болѣе притуплялась бы чувствительность, и мракъ безпросвѣтлости ложился бы на человечество, оставленное вдругъ наединѣ со своими страстями, пороками и слабостями. Вырожденіе однихъ и отчаяніе другихъ, благороднѣйшихъ, было бы неизбежнымъ итогомъ этого мнимаго благодѣянія.

Э. М. Достоевскій въ Дневникѣ Писателя однажды затронулъ эту тему. „Если бы черти сразу показали свое могущество и задавили бы человека своими открытіями, если бы всѣ знанія такъ и свалились на человечество и, главное, совершенно даромъ, въ видѣ подарка (какъ и достанутся они будущимъ поколѣніямъ, о которыхъ и мечтаетъ социализмъ), что бы тогда случилось съ людьми? О, конечно, сперва пришли бы въ восторгъ. Люди обнимали бы другъ друга въ упоеніи: они вдругъ почувствовали бы себя осыпанными счастіемъ, зарытыми въ матеріальныхъ благахъ, они можетъ быть ходили бы или летали по воздуху, пролетали бы чрезвычайныя пространства въ 10 разъ скорѣй, чѣмъ теперь по желѣзной дорогѣ, извлекали бы изъ земли басно-

словные урожаи, может быть создали бы химией организмы, и голоднымъ бы хватило по 3 фунта на челоуѣка, словомъ ѣшь, пей и наслаждайся! Но врядъ-ли и на одно поколѣніе людей хватило бы этихъ восторговъ! Люди вдругъ увидѣли бы, что жизни уже больше нѣтъ у нихъ, нѣтъ свободы духа, нѣтъ воли и личности, что кто-то у нихъ укралъ все разомъ; что исчезъ челоуѣческій ликъ и насталь скотскій образъ раба, образъ скотины, съ той разницей, что скотина не знаетъ, что она скотина, а челоуѣкъ бы узналъ, что онъ сталъ скотиной. И загнило бы челоуѣчество; люди покрылись бы язвами и стали кусать языки свои въ мукахъ, увидя, что жизнь у нихъ взята за хлѣбъ, за камни, обращенные въ хлѣбы. Поняли бы люди, что нѣтъ счастья въ бездѣйствіи, что погаснетъ мысль нетрудящихся, настанетъ скука и тоска“...

Вотъ почему далеко не всякое сокращеніе рабочаго дня, обезпечивающее не только отдыхъ, но и досугъ, является безусловнымъ благомъ. Нужно не только хозяйственно, но и духовно дорожить до короткаго рабочаго дня, умѣя достойно употребить освобождающійся досугъ. Иначе короткій рабочій день явится источникомъ деморализаціи и духовнаго вырожденія рабочаго класса. И здѣсь имѣетъ силу законъ, что не о хлѣбѣ единомъ живетъ челоуѣкъ, но и о всякомъ словѣ Божіемъ.

Тѣмъ не менѣе именно такая свобода отъ хозяйства, или нѣкоторое сверххозяйственное состояніе, составляетъ мечту социализма. „Развитіемъ производительныхъ силъ“, производствомъ богатства, будетъ достигнута фактически неограниченная способность челоуѣка повелѣвать природой. О томъ, какъ будетъ справляться челоуѣкъ

съ этой свободой, здѣсь даже не спрашивается, ибо заранѣе предрѣшено, что (всѣ порочныя наклонности человека происходятъ отъ бѣдности и побѣждаются вмѣстѣ съ нею, ибо вообще человекъ всецѣло зависитъ отъ хозяйства, „есть то, что онъ ѣсть“). Этотъ догматъ экономического міровоззрѣнія, со всей рѣшительностью выраженный въ марксизмѣ, присущъ въ большей или меньшей степени всѣмъ социалистическимъ учениямъ. Для нихъ не существуетъ самостоятельнаго вопроса о духовномъ содержаніи этой свободы отъ хозяйства, они довольствуются тѣмъ, что стремятся болѣе или менѣе научнообразно доказать всю неизбежность, закономерность наступленія этого чуда. Ибо, конечно, можно считать только чудомъ подобный переворотъ въ условіяхъ существованія человечества, которое сначала находится всецѣло въ духовномъ плѣну отъ хозяйства, имъ во всѣхъ отношеніяхъ опредѣляется, а затѣмъ вдругъ оказывается отъ него совершенно свободнымъ и независимымъ. Идею такого историческаго чуда, точнѣе чудеснаго, сверхъестественнаго переворота въ исторіи мы сиздавна встрѣчаемъ въ человечествѣ, въ ней нѣтъ ровно ничего новаго. Съ наибольшей силой она выявлена въ іудейскихъ чаяніяхъ мессіанскаго царства, столь распространенныхъ среди еврейства передъ пришествіемъ Христа. Въ многочисленныхъ произведеніяхъ еврейской письменности этой эпохи (носящихъ общее наименованіе „апокалипсисовъ“) выражалось то убѣжденіе, что приближается наступленіе земного царства мессіи. Оно надвигается совершенно закономерно, такъ что эта закономерность можетъ быть „научно“ (по тогдашнему пониманію) познана и установлена. Оно, это царство,

должно подготовляться революціей, но осуществлено будетъ чудеснымъ явленіемъ мессіи (ему соответствуетъ въ современномъ социализмѣ представленіе о социальной катастрофѣ, возникающей на известной ступени развитія капитализма, при которой уже „лопается его оболочка“). Въ этомъ смыслѣ современный социализмъ представляетъ собой возрожденіе древнеіудейскихъ мессіаническихъ ученій, и К. Марксъ, вмѣстѣ съ Лассалемъ, суть новѣйшаго покроя апокалиптики, провозвѣщающіе мессіанское царство. Однако есть и разница между древними и новѣйшими апокалиптиками, и, нужно сознаться, не въ пользу послѣднихъ: первые откровенно вѣрили въ чудо, — въ сверхъестественное вмѣшательство мессіи, вторые же вводятъ чудесный элементъ лишь замаскированно, и благодаря этому у нихъ концы не вполне сходятся съ концами. Дѣло въ томъ, что современныя ученія объ опредѣляющей роли хозяйства въ человѣческой жизни обычно связываются съ дарвиновскимъ ученіемъ о борьбѣ за существованіе, какъ всеобщемъ законѣ жизни. Въ мірѣ царитъ борьба, сильный истребляетъ слабого, этимъ устанавливается естественный отборъ и усовершенствованіе видовъ. Такъ это въ мірѣ животныхъ. Въ мірѣ человѣческомъ этому соответствуетъ борьба классовъ или общественныхъ группъ, возникающая на основѣ хозяйственныхъ отношеній. Вся исторія человечества до сихъ поръ есть, по мнѣнію Маркса, въ существѣ своемъ экономическая борьба классовъ. Если бы эта мысль высказывалась въ столь же всеобщей и непререкаемой формѣ, какъ ученіе Дарвина, это было бы по крайней мѣрѣ понятно и послѣдовательно. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что эта борьба за

существованіе, имѣющая силу для всей прошедшей и настоящей исторіи, прекратитъ почему-то свое дѣйствіе на будущую эпоху, и изъ волчьей стаи получится вдругъ социалистическое братство. Такая отмѣна того, что является, по мысли социалистовъ, какъ бы непреложнымъ закономъ природы, можетъ быть признана только чудомъ, котораго однако вообще вовсе не допускается сторонниками этого ученія (между тѣмъ какъ оно открыто вводилось древними іудейскими апокалиптиками).

III

Ограниченность социалистическихъ мечтаній.

Но допустимъ, что социалистическія мечтанія о сверххозяйственномъ „государствѣ будущаго“ имѣютъ достаточныя научныя основанія (чего мы на самомъ дѣлѣ вовсе не думаемъ). Все-таки нельзя не признать этого идеала безкрылымъ, рабскимъ и ограниченнымъ, хотя социализмъ и гордится обычно своей революціонностью и радикализмомъ. Это становится особенно ясно при сопоставленіи съ христіанской вѣрой. Христіанское обѣтованіе открываетъ вѣрующимъ, что въ жизни будущаго вѣка, которая наступитъ послѣ всеобщаго воскресенія и суда, будетъ новое небо и новая земля, гдѣ же правда живетъ. Вся тварь обновится, и для воскресшаго человѣчества, единого во Христѣ, будетъ восстановлено изначальное, эдемское отношеніе къ міру, какъ саду Божію. Преграда и средостѣніе, стоящія нынѣ между человѣкомъ и природой, утеряютъ свою силу. Всеобщее воскресеніе есть и всеобщій космическій переворотъ. Человѣчество,

дѣйствительно, воцарится въ природѣ. Правда, это невозможно для человѣка въ теперешнемъ его состояніи, въ предѣлахъ исторіи, ибо можетъ явиться лишь чудомъ всемогущества и премудрости Божіей. Ихъ мѣсто въ социалистическихъ построеніяхъ занимаютъ мертвыя силы хозяйства, развитіе „экономическаго базиса“: въ его силу, въ его мудрость и всемогущество предлагается здѣсь вѣрить въ качества Промысла Божьяго. Даже и не раздѣляющій христіанской вѣры долженъ будетъ признать, что только въ ней дается утоленіе сердцу, полный отвѣтъ на всѣ запросы любви, звучитъ голосъ человѣческаго достоинства. Но что мы находимъ въ социализмѣ? Прежде всего, относительно природы здѣсь мы имѣемъ только идеаль расширенной фабрики, благоустроеннаго города и сельскаго помѣстья. Преобразование жизни не распространяется на общее отношеніе человѣка къ природѣ, которое остается прежнимъ и неизмѣннымъ; оно ограничивается хозяйственными нуждами человѣка. Отношеніе же его къ природѣ остается столь же корыстнымъ и нелюбовнымъ, предпринимательскимъ, какъ и теперь, отчужденіе отъ матери-земли, которую такъ умѣли чувствовать народы и научали чтить многія религіи,—здѣсь какъ бы увѣковѣчивается. Отношеніе къ природѣ въ социализмѣ только хозяйственно, а потому и корыстно, ограничено данными потребностями. Фурье былъ единственный изъ новыхъ социалистовъ, который связывалъ свои социалистическія мечтанія съ весьма широкими и смѣлыми (хотя и фантастическими, но въ сущности не безынтересными) построеніями мірового, космологическаго характера, но за это онъ и признается въ исторіи со-

ціалізма слегка полоумнымъ, а ученіе его ненаучнымъ („утопическимъ“). Другое исключеніе могъ бы составить русскій мыслитель Н. Э. Федоровъ, который впрочемъ не относится къ соціалистамъ. По его мысли, человѣчество призвано научно овладѣть не только землей, но и небомъ, управляя движеніемъ земного шара по надобности и желанію. Въ этомъ овладѣніи міровыми силами, „регуляціи природы“, Федоровъ видѣлъ исполненіе долга передъ нею со стороны сыновъ человѣческихъ, воистину ставшихъ сынами Божіими.

Но ограниченность соціалистическихъ мечтаній ощущается еще съ большей силой, граничитъ уже со слѣпотой въ другомъ отношеніи. Здѣсь разумѣется поразительное равнодушіе потомковъ къ своимъ умершимъ предкамъ, то, что можно пожалуй назвать духовнымъ каннибализмомъ, пожираніемъ предковъ, наблюдаемымъ у нѣкоторыхъ дикарей. Дѣйствительно, дѣло имѣетъ здѣсь такой видъ, что эти будущія поколѣнія, достигшія соціалистическаго земного рая и стоящія при этомъ на плечахъ всего предшествующаго человѣчества, будутъ предаваться тупому своему блаженству, эгоистически и кощунственно забывая о цѣнѣ этого рая, о тѣхъ безчисленныхъ трудахъ и жертвахъ, которые понесены для его созданія. Снисходительно или презрительно будутъ говорить они о варварствѣ этихъ поколѣній (какъ и теперь говорятъ нерѣдко о прошломъ), въ лучшемъ случаѣ будутъ отдавать въ отношеніи къ нему дань исторической любознательности, но, конечно, любящимъ сердцемъ, ихъ понимать не будутъ, не имѣя къ тому мотивовъ. Вѣдь этихъ предковъ уже нѣтъ, они были и умерли, осталась одна отвлеченная идея, истори-

ческое воспоминаніе. Потому остается пользоваться какъ бы этой исторической рентой, ими накопленной. Эта картина пиршества потомковъ на могилахъ предковъ отвратительна по своей грубости и цинизму, и здѣсь фактически упраздняется то самое челоуѣчество, именемъ котораго вершатся дѣла прогресса, разрывается на отдѣльныя, обособленные, другъ друга не помнящія поколѣнія. Здѣсь социализмъ, пожалуй, могъ бы быть завершень и восполненъ смѣлою мыслью того же Н. Э. Федорова, знаменитымъ его „проектомъ“. Мысль эта сводится ни болѣе, ни менѣе какъ къ воскрешенію предковъ, къ воссозданію жизни отцовъ ихъ благодарными и помнящими сынами посредствомъ научной „регуляціи“ природы. Знаніе, надлежаще направленное, должно найти средства, чтобы вновь собрать тѣла изъ матеріальныхъ частицъ и затѣмъ оживить ихъ. Въ исполненіи этого долга воскрешенія Н. Э. Федоровъ видитъ высшую задачу челоуѣчества, разрѣшеніемъ которой оно станетъ воистину достойно считаться сынами Божіями, исполнителями Божьяго дѣла: даровое, данное и потому неустойчивое они замѣняютъ трудовымъ, воссозданнымъ и потому не имѣющимъ конца. „Проектъ“ Федорова для него имѣетъ религіозный смыслъ. Онъ видитъ въ своемъ „проектѣ“ исполненіе христіанской заповѣди любви и братства. И этотъ замыселъ сочетается у него съ непреложной вѣрой въ безсмертіе челоуѣка, для которой смерть есть лишь болѣзненный и временный разрывъ души и тѣла. Этотъ „проектъ“ вызываетъ, конечно, немалыя недоразумѣнія именно съ религіозной точки зрѣнія: можно ли научно-механическими средствами возвратить въ тѣло душу, которая пребываетъ

въ невѣдомомъ для насъ загробномъ состояніи, въ рукѣ Божіей? Не являются ли жизнь и смерть какъ бы новыми творческими актами Божества, которые вовсе не находятся въ распоряженіи человека? Однако, какъ бы ни были справедливы эти сомнѣнія и возраженія, которыя могутъ быть выдвигаемы противъ Федоровскаго „проекта“ со стороны религіозной, они не имѣютъ силы для нерелигіознаго, матеріалистическаго социализма, если бы онъ направилъ въ эту сторону свое вниманіе. Но характерно, что мысль эта, насколько извѣстно, ни разу не появлялась въ социалистическомъ кругозорѣ: все вниманіе и интересъ направляются здѣсь на судьбу послѣднихъ поколѣній, благополучіе которыхъ и является цѣлью исторіи. Впрочемъ, надо сказать правду, что „проектъ“ воскрешенія или трудового, научнаго возстановленія жизни сулитъ мало утѣшенія при отрицаніи личнаго безсмертія, и социализмъ имѣетъ основаніе оставаться къ нему равнодушнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что и удалось бы научными средствами создать живые манекены, которые вполне воспроизводили бы умершихъ, и даже по составу матеріальныхъ частицъ были бы тождественными съ ихъ тѣлами. Но вѣдь это была бы, тѣмъ не менѣе, чудовищная поддѣлка: единство и тождество личности устанавливается духомъ, а не мѣняющимся составомъ матеріальнаго тѣла; но при отрицаніи духовнаго начала жизни, къ чему же сведется тождество умершаго человека и воссозданнаго его двойника? только къ очень большому, максимальному сходству, которое, какъ бы ни было оно велико, никогда не сдѣлается тождествомъ и простое повтореніе не превратитъ въ непрерывное продолженіе одной и той же жиз-

ни. Поэтому и мысль объ искусственномъ воскрешеніи безсмертнаго человѣка излишня, ибо воскресить его Богъ Своею властью въ назначенный срокъ, мысль же о воскрешеніи смертнаго ложна и прямо чудовищна. Однако, характерно это отсутствіе самой мысли о предкахъ, памяти сердца о нихъ въ социализмѣ. Только въ религіи, и, прежде всего, въ христіанской церкви есть эта память предковъ, ибо нѣтъ здѣсь живыхъ и умершихъ. Для Бога всѣ живы, и Онъ есть Богъ живыхъ, а не мертвыхъ. Только здѣсь, въ молитвенномъ поминовеніи, творится непрестанная память объ усопшихъ, въ надеждѣ и вѣрѣ грядущаго всеобщаго воскресенія.

IV.

Соціализмъ и гуманизмъ.

Христіанство учитъ, что человѣческое естество повреждено грѣхомъ. Природа человѣка больна, и эта болѣзнь проходитъ чрезъ всю его жизнь, отравляетъ всѣ ея проявленія. Лишь неусыпной бдительностью, не ослабѣвающимъ самоконтролемъ способенъ человѣкъ преодолѣвать свою природу, возводить себя къ естественному своему совершенству, выявлять свой идеаль. Поэтому человѣку надо вести безостановочную борьбу съ самимъ собой, съ грѣховнымъ своимъ естествомъ. Онъ не долженъ безотчетно отдаваться своимъ естественнымъ стремленіямъ только потому, что они у него явились. Напротивъ, онъ всегда долженъ повѣрять себя по высшему идеалу жизни, который дается христіанской религіей, евангельскимъ ученіемъ и, прежде всего, обра-

зомъ Христа. Это не значитъ, чтобы человекъ долженъ непременно уничтожать и отсѣкать всѣ творческіе свои порывы, потребности и стремленія, изъ которыхъ развивается дѣятельность культурная, хозяйственная, государственная. Это значитъ лишь, что всѣ эти многообразныя области дѣятельности человѣческой подлежатъ суду и контролю религіозной совѣсти, и каждая изъ нихъ можетъ служить источникомъ соблазна для человека, угрожать плѣномъ и гибелью для его души. Для христіанства возможно признать и допустить не самодовлѣющую, но аскетически контролируемую культуру. Этотъ контроль, конечно, долженъ быть не внѣшній, а внутренній. Онъ не только не противорѣчитъ свободѣ человека и не связываетъ его творческаго духа, но даже, напротивъ, расправляетъ надлежащимъ образомъ духовныя крылья, ибо только при такомъ самообладаніи и существуетъ эта свобода. Этотъ же идеалъ аскетической культуры, духовно связанной единствомъ высшей дѣли, предносился и Платону, когда онъ рисовалъ царство философовъ въ своей „Республикѣ“. Этимъ аскетическимъ духомъ проникнута и вообще всякая религіозная культура, даже и внѣ христіанства, и не только іудейская, но и египетская, эллинская, римская, конечно, каждая по-своему, въ соотвѣтствіи своей природѣ. Аскетизмъ вообще опирается на извѣстное недо-вѣріе къ человѣческой природѣ, точнѣе, къ данному ея состоянію. Онъ не преклоняется предъ голой данностью, силой факта, не принимаетъ того или иного стремленія только потому, что оно существуетъ и способно удовлетворить какую-либо наличную потребность, быть можетъ, и не заслуживающую удовлетворенія, нуждающуюся скорѣе въ подавленіи.

Въ противоположность этому религіозно-аскетическому самоощущенію человѣка, начиная примѣрно съ XV вѣка и до нашихъ дней, выдвигается новое міропониманіе, которое зовется въ исторіи гуманистическимъ. Изъ этого міроощущенія родилась и новая европейская культура. Здѣсь провозглашается полное довѣріе къ человѣческой природѣ въ ея данномъ состояніи. Человѣку присущи естественное здоровье, гармонія и совершенство. Онъ все, что ему нужно, можетъ найти въ себѣ и своими силами. Онъ не нуждается въ сверхъестественной помощи, ибо имѣетъ въ своей природѣ все. Вообще нѣтъ ничего выше человѣка, при томъ не въ идеальномъ его первообразѣ, но именно въ его теперешнемъ состояніи. Правда, ему многаго, безконечно многаго, надо достигнуть еще на историческомъ пути, но онъ это и сдѣлаетъ своими силами, безъ всякой помощи. Онъ не нуждается въ божественной благодати или чудѣ и даже не хочетъ его, ибо онъ самъ по себѣ есть богъ, хотя и еще только становящійся. Поэтому всѣ упованія человѣка, все его вниманіе переносится здѣсь на тѣ достижения, которыя совершены и могутъ еще совершиться въ поступательномъ движеніи исторіи или въ такъ называемомъ прогрессѣ. Прогрессъ и есть настоящее божество для религіи человекобожія. Въ прогрессѣ разрѣшены будутъ всѣ противорѣчія жизни и устранена всякая ея дисгармонія.

Въ числѣ другихъ частныхъ выводовъ гуманистическаго міровоззрѣнія однимъ изъ важнѣйшихъ практическихъ его приложеній является и социализмъ, который есть поэтому духовное порожденіе эпохи возрожденія. Въ настоящее время

соціалізмъ представляеть собой, можно сказать, вліятельнѣйшую разновидность гуманизма, заслоняющую собой остальные. Соціалистическое учение о человекѣ, безъ различія оттѣнковъ, имѣеть въ основѣ своей вѣру въ безпредѣльную способность человеческой природы къ совершенствованію, если только она поставлена въ соотвѣтствующія условія. Мысль о грѣхѣ, о силѣ грѣха, о грѣховной порчѣ, о губительной стихіи страстей, о трагическихъ противорѣчіяхъ человеческой природы, далека соціалистическимъ вѣрованіямъ. Ихъ представленіе о человекѣ вообще бѣдно и поверхностно. Для большинства этихъ ученій человеческая природа есть просто *tabula rasa*, чистая доска, на которой пишетъ то или другое содержаніе соціальная среда. Болѣе вдумчивые и сознательные изъ нихъ останавливаются на вопросѣ о человеческой природѣ и отвѣчаютъ на него иногда въ такомъ смыслѣ, что, хотя отдѣльные индивиды ограничены и имѣють недостатки, но для всего человеческого рода послѣдніе сглаживаются, плюсы погашаются минусами, и цѣлому роду во всякомъ случаѣ принадлежитъ совершенство (Фейербахъ). Еще болѣе радикальную постановку этого же вопроса мы находимъ у Ш. Фурье, единственнаго изъ соціалистовъ, у котораго нашлось достаточно глубокомыслія, чтобы поставить кореннымъ образомъ вопросъ о природѣ человеческихъ страстей. Онъ рѣшается въ этомъ интересномъ (и недостаточно еще оцѣненномъ) ученіи съ безграничнымъ оптимизмомъ. По мнѣнію Фурье, страсти суть блатія силы, вложенныя Творцомъ въ человека. Онѣ приносятъ зло лишь потому, что находятся въ дисгармоническомъ положеніи, люди не умѣють владѣть ихъ

силой. Для этого надо ихъ научно познать и со-
отвѣтственнымъ образомъ сочетать, такъ, чтобы
для каждой склонности нашлось свое полезное
употребленіе. Это возможно, если взять доста-
точно обширныя общины, въ которыхъ бы нахо-
дилось мѣсто для примѣненія разныхъ склонно-
стей и разныхъ страстей. Порочныхъ же или
грѣховныхъ наклонностей и вообще не суще-
ствуетъ. Страсти имѣютъ себѣ параллели и соот-
вѣтствія въ силахъ природы, въ звукахъ, цвѣтахъ,
а также въ другихъ мірахъ. Поэтому возмож-
ность естественной гармоніи дана уже въ при-
родномъ строѣ этого міра, и социализмъ только
призванъ выявить эту возможность. Хотя боль-
шинство социалистовъ обычно относится къ уче-
нію Фурье какъ бы нѣсколько конфузливо въ
виду его странностей, однако здѣсь мы имѣемъ
самую глубокомысленную, даже единственную по-
пытку социалистической антропологии. Обычно же
вопросы антропологии совершенно и безъ остатка
растворяются въ социологии, вопросъ о человѣкѣ
подмѣнивается вопросомъ о природѣ и строеніи
общества. Человѣчество разсматривается какъ
состоящее не изъ отдѣльныхъ личностей, изъ
которыхъ каждая есть свой особый міръ, но изъ
общественныхъ группъ, которыя опредѣляются
своимъ мѣстомъ въ строеніи цѣлаго. Этотъ со-
циологизмъ отличаетъ всѣ наиболее вліятельныя
социалистическія ученія XIX вѣка. вмѣсто лич-
ности возникаетъ представленіе о безличной со-
ціальной средѣ, которая существуетъ надъ
личностями и ихъ собой опредѣляетъ. Въ раз-
ныхъ ученіяхъ подставляются только различныя
понятія въ эту общую формулу: для Р. Оуэна
началомъ, опредѣляющимъ человѣческій харак-

теръ, является общественная среда, для К. Маркса и его послѣдователей—классъ и отношеніе классовъ.

Поразительна при этомъ противорѣчивость социализма. Съ одной стороны, здѣсь поддерживается общегуманистическая вѣра въ человека, на которую и опирается вѣра въ прогрессъ и въ его радужныя дали, а съ другой—въ социализмъ совершенно упраздняется человѣческая личность, которую такъ умѣло цѣнить и лелѣять раннее, творческое Возрожденіе: вмѣсто нея ставится всеопредѣляющая социальная среда. Всякіе творческіе порывы, исходящіе отъ личности, гасятся въ этихъ безличныхъ сумеркахъ социологизма. Отсюда рождается и дальнѣйшее, также неисходное противорѣчіе социализма. Онъ преисполненъ убѣжденіемъ, что прогрессъ совершается социологически закономернo, при чемъ, конечно, законы эти имѣютъ силу и надъ отдѣльными лицами. Въ то же время практически всякое движеніе въ исторіи совершается чрезъ личности, ибо только личности принадлежатъ дѣйственность. Призывая къ реформѣ, къ революціи, социализмъ принужденъ обращаться къ личностямъ, призывать ихъ какъ бы къ послушанію социальныхъ законовъ, къ тому, чтобы перерастить данную социальную среду, возвыситься надъ ея всеиліемъ. Согласно ученію социологизма, обществомъ править желѣзная необходимость, и она руководитъ и человѣческими желаніями и поступками. Напротивъ, согласно практической морали социализма, личность своимъ усиліемъ должна стремиться къ тому, чтобы прорвать эту цѣль силою своей личной мощи, своей свободы. При всеобщей вѣрѣ въ прогрессъ остается безответнымъ вопросъ, кто же является

здѣсь зачинателемъ, носителемъ этого прогресса? Откуда найдется у него для этого сила? Если данъ міръ негодяевъ, то откуда же возьмется добродѣтель для его преобразованія? Эта несообразность особенно очевидна была въ ученіи Р. Оуэна, который теоретически исповѣдывалъ полную безотвѣтственность чловѣка, въ виду того, что характеръ всецѣло опредѣляется общественной средой, но въ то же время своимъ собственнымъ примѣромъ и дѣятельнымъ духомъ своего ученія призывалъ къ отвѣтственной, творческой работѣ, къ личному почину. Тѣмъ же самымъ противорѣчіемъ раздирается и марксизмъ, который мнитъ, что онъ предсказываетъ будущій социализмъ какъ лунное затменіе, а въ то же время для достиженія этого луннаго затменія хочетъ основывать партію (Штаммлеръ). Вообще социализмъ изнемогаетъ отъ своего безсилія сочетать ученіе о законмѣрности общественнаго развитія, свой социологизмъ, съ своимъ же собственнымъ дѣятельнымъ характеромъ, революціонизмомъ. Онъ оказывается безотвѣтенъ передъ основнымъ вопросомъ, что же такое чловѣкъ, какова природа чловѣческой личности, чловѣческаго общества? Каковы его задачи, цѣли, достиженія? Къ чему ведетъ „прогрессъ“? Въ чемъ смыслъ исторіи?

V.

Мѣщанство („буржуазность“) социализма.

И съ этой духовной немощью и пустотою современнаго социалистическаго движенія находится въ связи основная его черта: его глубокое мѣщанство—„буржуазность“. Да, не имѣя въ сво-

емъ лексиконъ болѣе уничижительнаго слова, чѣмъ „буржуазія“, самъ социализмъ духовно пропитанъ этимъ самымъ мѣщанствомъ; онъ отравленъ духомъ тѣхъ самыхъ „буржуевъ“, которымъ онъ завидуетъ и ненавидитъ. Это давно уже было подмѣчено наблюдательными умами. Извѣстно, что вопли о мѣщанствѣ европейскаго социализма вырывались еще у А. И. Герцена, для котораго весь европейскій міръ представлялся расколовшимся на два стана: буржуа имущихъ и боящихся за свое достояніе и буржуа неимущихъ, но завидующихъ чужому достоянію. Герценъ противопоставлялъ западному социализму нашъ русскій. Но что могъ бы онъ сказать въ наши дни, когда русскій рабочій классъ проявилъ такіе аппетиты, такой классовый эгоизмъ, что уже вполне заслужилъ названіе социалистическихъ „буржуевъ“ или мѣщанскихъ социалистовъ. Можно различно опредѣлять мѣщанство. Вѣрнѣе всего, оно можетъ быть понято чрезъ противопоставленіе религіозному міроощущенію, для котораго руководящими являются не личныя и не здѣшнія, потустороннія цѣнности изъ царства не отъ міра сего, между тѣмъ какъ для мѣщанства все исчерпывается интересами и успѣхами этого міра. Мѣщанство есть духовная опасность, которая всегда подстерегаетъ всякую душу на пути ея религіозной жизни, оно есть болѣзнь духа, его разслабленіе и отяжелѣніе. Въ социализмѣ же мѣщанство пріобрѣтаетъ, можно сказать, воинствующій характеръ. Здѣсь борьба за свои экономическіе интересы, личныя и классовые, проповѣдуется какъ основное, руководящее начало жизни. Удивительно-ли, что, когда социализмъ показываетъ свое подлинное лицо, какъ теперь въ Россіи, гдѣ всѣ

обезумѣли въ какой-то оргіи хищничества, то лицо это выгладитъ мѣщанскимъ до отвратительности, въ немъ обнажаются самыя низкіе, животныя инстинкты человѣческой природы. Таковъ духовный ликъ и современнаго русскаго социализма, этого „соціалбуржуйства“. Своей проповѣдью мѣщанства социализмъ обѣдняетъ, опустошаетъ душу народную. Онъ самъ съ ногъ до головы пропитанъ ядомъ того самаго капитализма, съ которымъ борется духовно, онъ есть капитализмъ на выворотъ. Онъ можетъ организовать массы для достиженія элементарныхъ цѣлей на почвѣ экономической борьбы, но при этомъ незамѣтно принижаетъ ихъ духовно. Вотъ почему социализмъ обычно враждебенъ религіи, какъ и всякому духовному, не мѣщанскому подъему, враждебенъ искусству, вообще истинной культурѣ. Онъ мертвитъ своимъ дыханіемъ народную душу. Поэтому-то социализмъ такъ легко вульгаризуется, т.-е. размѣнивается на самую мелкую ходячую монету, сливается и отождествляется съ самыми простыми и житейскими требованіями. Мнѣ отвѣтилъ когда-то въ Германіи одинъ трактирщикъ, который и самъ былъ социаль-демократомъ, на вопросъ, чего, по его мнѣнію, хотятъ социалисты: Sie wünschen mehr zu verdienen (они хотятъ побольше получать). Въ этомъ простодушномъ отвѣтѣ, въ этомъ примитивномъ пониманіи заключается больше правды, чѣмъ это кажется. Такое же истолкованіе социализма дается въ настоящее время и русской жизнью. Въ Россіи за два-три мѣсяца вдругъ побѣдилъ социализмъ, и впервые міръ увидѣлъ даже социалистическое правительство (которому однако силою вещей не только не приходится осу-

ществлять социалистический переворотъ, какъ это полагалось бы по социалистическому катехизису, но сказывается необходимымъ вводить мѣры обузданія и борьбы съ своеволиемъ и разложеніемъ вплоть до возстановленія смертной казни). Если бы я чувствовалъ для себя дорогими идеалы социализма и придавалъ имъ то всемірно-историческое и міровое значеніе, какое придаютъ имъ социалисты, я былъ бы глубоко потрясенъ и угнетенъ этою, можно сказать, идиотизаціею социализма, какую мы (сейчасъ наблюдаемъ въ Россіи. Эта побѣда социалистическаго блока на выборахъ по городамъ, это повальное раболѣпство предъ социализмомъ, предъ лицомъ такихъ фактовъ, какъ мародерство въ тылу, къ каковому слѣдуетъ, безспорно, относить и безмѣрные притязанія зарвавшихся „товарищей“, — „соціалбуржуевъ“, на ряду съ трусливымъ бѣгствомъ „революціонной“ и, конечно, тоже социалистической арміи на фронтъ, о чемъ все это говорить? Вотъ въ какомъ смыслѣ по плечу оказываются массамъ упрощенные, мѣщанскіе лозунги социализма. И если міровая война и фактическое упраздненіе интернаціонала нанесли тяжелый ударъ и дейному социализму, то не менѣе тяжелый наноситъ теперешняя его идиотизація и варваризація въ Россіи.

VI.

Правда социализма.

Однако, нападая на социализмъ за его мѣщанскія черты, которыя все-таки находятъ себѣ и значительное оправданіе въ бѣдности и обездоленности представителей труда въ нашемъ обществѣ, мы менѣе всего можемъ тѣмъ самымъ брать на

себя защиту капитализма, отравившаго своимъ ядомъ и социализмъ. Ядъ же этотъ состоитъ въ томъ откровенно и цинично провозглашаемомъ убѣжденіи, что въ своей хозяйственной дѣятельности (также, впрочемъ, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ) человекъ можетъ руководиться только стихійными своими побужденіями или хозяйственнымъ эгоизмомъ, на которомъ и основана хозяйственная жизнь въ наши дни. Капитализмъ есть организованный эгоизмъ, который сознательно и принципиально отрицаетъ подчиненность хозяйства высшимъ началамъ нравственности и религии; онъ есть служеніе маммону, маммонизмъ, по выраженію Т. Карлейля. Никогда еще въ исторіи не проповѣдывалось и не проводилось въ жизни такое безбожное, безпринципное служеніе золотому тельцу, низкая похоть и корысть, какъ нынѣ, и, хотя міръ не видалъ еще такой хозяйственной мощи, но къ чему же она теперь привела? Къ міровому пожару, къ капиталистической войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ! Если по духовной природѣ своей капитализмъ въ значительной мѣрѣ является идолопоклонствомъ, то по своему общественному значенію для социальной жизни онъ покрытъ преступленіями, и исторія капитала есть печальная, жуткая повѣсть о человеческой безсердечности и себялюбіи. Однимъ словомъ, мы должны, не обинуясь, сказать, что социализмъ правъ въ своей критикѣ капитализма, и въ этомъ смыслѣ надо прямо и рѣшительно признать всю правду социализма. Если онъ грѣшитъ, то, конечно, не тѣмъ, что онъ отрицаетъ капитализмъ, а тѣмъ, что онъ отрицаетъ его недостаточно радикально, самъ духовно пребывая еще въ капитализмѣ. Соціальная наука

раскрыла и раскрываетъ многообразныя бѣдствія, причиняемыя капитализмомъ, и она же вырабатываетъ средства для борьбы съ этими бѣдствіями. Голосъ науки и совѣсти сходятся въ томъ, что капиталистическое хозяйство ради общаго блага должно быть преобразованнымъ въ направленіи растущаго общественнаго контроля или въ направленіи социализма, и въ этомъ смыслѣ давно уже сказалъ одинъ англійскій общественный дѣятель, что „мы всѣ теперь социалисты“. Различіе относится къ пониманію практическихъ вопросовъ о томъ, въ какомъ темпѣ должно совершаться такое преобразование. Здѣсь слово принадлежитъ наукѣ, социальной медицинѣ, и разговоръ долженъ идти на почвѣ определенныхъ фактовъ и практическихъ вопросовъ.

Однако можно признавать правду социализма, какъ отрицаніе неправды капитализма,—и здѣсь его воодушевляють, несомнѣнно, высокія чувства святого гнѣва, ревность къ справедливости, состраданіе къ меньшей братіи,—но на ряду съ этимъ видѣть и его ограниченность и неправду, которая есть тонкое или грубое воспроизведеніе ограниченности и неправды капитализма. Социализмъ вѣритъ вмѣстѣ съ капитализмомъ, что человѣческое общество построится только на экономическомъ интересѣ, извѣстнымъ образомъ регулированнымъ, и что иныхъ силъ не существуетъ. Социализмъ раздѣляетъ съ капитализмомъ его невѣріе въ духовную природу человѣка, и это несмотря на то, что онъ же предрекаетъ для него такое радужное будущее. Для социализма общественное преобразование исчерпывается внѣшней, прежде всего экономической реформой, и онъ безъ всякаго вниманія проходитъ мимо того, что

совершается въ человѣческомъ сердцѣ. Соціализмъ интересуется человѣкомъ одновременно и слишкомъ много и слишкомъ мало, сулитъ ему земной рай, и однако его не уважаетъ, не признавая въ немъ нравственную личность. Правъ былъ Вл. Соловьевъ, говорившій, что соціализмъ даетъ человѣку не слишкомъ много, но слишкомъ мало. Уже на самыхъ первыхъ шагахъ соціализма, еще въ XVI вѣкѣ въ загадочной „Утопіи Т. Мора, не то шутя, не то серьезно выражено убѣжденіе, сдѣлавшееся общимъ для всего соціализма, что достаточно отмѣны частной собственности для полной побѣды надъ порочными наклонностями въ человѣкѣ. И чѣмъ дальше, тѣмъ эта мысль звучитъ настойчивѣе. Ради возвеличенія человѣка въ будущемъ за нимъ отвергается духовная самобытность и нравственная отвѣтственность въ настоящемъ. Для соціализма человѣкъ есть денежный мѣшокъ, пустой или наполненный, такъ же, какъ и для капитализма. И эти мѣщанскія, матеріалистическія основы современнаго соціализма дѣлаютъ его ученіемъ духовно-мертвящимъ, лишаютъ его поэзіи и очарованія, наполняя жизнь разсудочностью и прозаичностью. На немъ лежитъ отпечатокъ вульгарности, низменности и безкрылости, и это, конечно, связано съ отсутствіемъ въ немъ истинной религіозности, которая замѣняется извращеннымъ грубымъ идолопоклонствомъ, гдѣ идоломъ является толпа,—„демократія“, понимаемая, какъ экономическій союзъ.

VII.

„Христіанскій социализмъ“.

Итакъ, существуетъ противоположность между міровоззрѣніемъ религіознымъ, для котораго вся человѣческая жизнь, въ частности и хозяйственная дѣятельность, протекаетъ въ согласіи съ закономъ высшей, божественной правды, и зоологическимъ, одну изъ разновидностей котораго имѣемъ мы и въ социализмъ. Противоположность заключается здѣсь въ духовныхъ мотивахъ, но отнюдь не въ самомъ социализмъ. И противоположность эта осознана была во всей глубинѣ еще въ древности, въ Аѳинской республикѣ IV вѣка, когда великій философъ Платонъ въ своемъ произведеніи „Политеія“ начерталъ свой идеалъ социализма, который кореннымъ образомъ отличался отъ захватнаго, своекорыстнаго, мѣщанскаго социализма, и тогда уже широко разлитого въ массахъ. Платонъ указалъ здѣсь, что вся человѣческая жизнь, а въ частности и хозяйственный строй должны строиться на основаніи высшихъ идеальныхъ нормъ „справедливости“, но отнюдь не на борьбѣ себялюбій, единоличныхъ и групповыхъ. Эта же мысль легла въ основу христіанской проповѣди въ первые вѣка христіанства. Если мы будемъ знакомиться съ произведеніями христіанской письменности I—IV вѣковъ, мы найдемъ здѣсь весьма суровое и рѣшительное осужденіе эгоизму собственниковъ, а нерѣдко и частной собственности, иногда настолько рѣзкое и беспощадное, что едва ли можно къ нему что-либо прибавить даже и со стороны представителей социализма. И однако смыслъ этихъ нападеній на собственниковъ въ томъ, чтобы указать

имъ нарушение долга христіанской любви и призвать къ дѣламъ братолюбія и благотворительности, а вовсе не въ томъ, чтобы разжечь ненависть и зависть въ немущихъ. Извѣстно, какъ велика и многообразна была эта благотворительность въ лучшія времена христіанской исторіи. Однако, эти нагаденія на частную собственность за злоупотребленія ею нельзя еще считать социализмомъ, ибо здѣсь совершенно отсутствуетъ мысль о коренномъ преобразованіи хозяйственнаго и социальнаго строя на основѣ замѣны частной собственности общественной, хотя бы по мотивамъ христіанской любви. Эта программа, такъ называемаго „христіанскаго социализма“, появляется въ новое время, преимущественно въ XIX вѣкѣ. Основная мысль „христіанскаго социализма“ состоитъ въ томъ, что между христіанствомъ и социализмомъ можетъ и должно существовать положительное соотношеніе. Христіанство даетъ для социализма недостающую ему духовную основу, освобождая его отъ мѣщанства, а социализмъ является средствомъ для выполнения великой христіанской любви, онъ исполняетъ правду христіанства въ хозяйственной жизни. Разумѣется, насколько социализмъ проникается антихристіанскимъ духомъ и отдается чарамъ перваго искушенія, онъ не можетъ быть соединенъ съ христіанствомъ, которое требуетъ прежде всего человѣческаго сердца. Но въ социализмъ самомъ по себѣ, рассматриваемомъ какъ совокупность мѣръ социальной политики, нѣтъ ничего, что бы не соответствовало христіанской морали. Потому, самая мысль о „христіанскомъ социализмѣ“ не имѣетъ въ себѣ ничего противорѣчиваго. Принципіально христіанскій со-

ціалізмъ вполнѣ возможенъ. „Христiанскій соціалізмъ“ имѣеть разныя черты; вѣрнѣе сказать, подѣ этимъ именемъ скрываются стремленія, нерѣдко далеко между собою расходящіяся какъ въ религіозномъ, такъ и соціально-политическомъ смыслѣ, отъ самыхъ возвышенныхъ и благородныхъ, какъ, напр., движеніе „христiанскихъ соціалистовъ“ въ Англіи въ срединѣ XIX вѣка, до весьма двусмысленныхъ, каковъ, на примѣръ, австрійскій или германскій антисемитизмъ пастора Штекера и под. Поэтому нельзя относиться съ неразборчивымъ довѣріемъ къ тому, что иногда называетъ себя „христiанскимъ соціализмомъ“, ибо можетъ оказаться при ближайшемъ разсмотрѣніи, что въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ либо христiанства (какъ, напр., у Сэнь-Симона), либо соціализма, или же ни того, ни другого. Русской мысли идеи христiанскаго соціализма, именно на основѣ православія, также не являются чужды. Когда Ѳ. М. Достоевскій говоритъ, что православіе есть нашъ русскій соціализмъ, „пресвѣтлое единеніе во Христѣ“, то онъ хочетъ, конечно, высказать ту общую мысль христiанскаго соціализма, что лишь на религіозной основѣ можно находить надлежащее разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ. И ту же мысль по-своему выражаетъ и Вл. С. Соловьевъ, который говоритъ о „правдѣ соціализма“, указывая въ то же время на его ограниченность и на необходимость дать этой правдѣ вселенскій христiанскій смыслъ. Вопросъ объ оправданіи соціализма и религіозномъ его смыслѣ многократно разбирался въ новѣйшей русской литературѣ, въ общемъ въ такомъ же смыслѣ. Вообще идеи „христiанскаго соціализма“ сейчасъ имѣють для себя очень благопріятную

почву въ Россіи какъ среди православнаго духовенства, такъ и среди православнаго народа. Нерѣдко высказывается пожеланіе о томъ, чтобы у насъ возникла самостоятельная партія христіанскихъ соціалистовъ. Однако, едва ли можно раздѣлить это пожеланіе. Пусть соціалисты дѣлаются христіанами, а черезъ то христіанизируется и ихъ соціализмъ, но выступать съ проповѣдью особой партіи христіанскаго соціализма это значитъ принижать вселенскіе глаголы христіанства и самую Церковь ставить въ положеніе партіи. При этомъ прозритъ опасность особаго, соціалистическаго клерикализма, при которомъ соціализмъ оказывается только средствомъ для уловленія душъ, либо же онъ-то и представляется главной цѣлью, для которой лишь средствомъ является христіанство. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ одинаково происходитъ религіозный подмѣнъ. Клерикализмъ, какъ стремленіе высшей іерархіи къ власти и вліятельности, свойствененъ наиболѣе папскому католицизму. Онъ не разъ уже мѣнялъ обличье въ исторіи и въ наши дни ему всего естественнѣе принять защитные цвѣта демократіи и соціализма. Еще Достоевскій предусматривалъ этотъ поворотъ въ исторіи католицизма, когда папа выйдетъ босъ и бѣденъ къ рабочему классу, чтобы завоевать его сердце соціализмомъ, и историческая дѣйствительность до извѣстной степени подтвердила прозрѣніе нашего писателя (политика Льва XIII). Однако, если это происходитъ ради власти, а не во имя любви Христовой, мы имѣемъ здѣсь лишь новую разновидность искушенія въ пустынь. Для Церкви невмѣстно сливаться съ какой бы то ни было партіей, какъ союзомъ относительнымъ, условнымъ и времен-

нымъ, и вселенская правда, ея не должна закрываться какими-либо преходящими формами. Пусть социалисты становятся христианами, тѣмъ самымъ социализмъ, какъ и вся жизнь наша, будетъ дѣлаться христіанскою. Но пусть христіане осознаютъ себя прежде всего какъ члены Церкви, а не какъ „христіанскіе социалисты“, и не ставятъ знака равенства между церковностью и „христіанскимъ социализмомъ“. Иначе намъ грозитъ та опасность, о которой говорилъ еще апостоль, — раздѣленія внутри самой Церкви. „Слѣдалось мнѣ извѣстнымъ о васъ, братія мои, что между вами есть споры. Я разумѣю то, что у васъ говорятъ: Я Павловъ; я Аполлосовъ; я Кифинъ; а я Христовъ. Развѣ раздѣлился Христосъ?“ (I Кор. I, 11—13).

VIII.

Дѣйствительное значеніе социализма

Итакъ, христіанству не только нѣтъ никакихъ причинъ бояться социализма, но есть полное основаніе принимать его въ качествѣ благотворительной общественной реформы, направленной къ борьбѣ съ общественнымъ зломъ, насколько эти мѣры не сопровождаются грубымъ насиліемъ и сообразны съ здравымъ смысломъ. Но христіанство совершенно отвергаетъ все самообольщеніе социализма, ослѣпленнаго своими чаяніями. Въ глазахъ христіанства самый радикальный социализмъ не содержитъ въ себѣ ровно ничего радикальнаго въ томъ смыслѣ, что онъ безуменъ внести дѣйствительно существенное преобразование жизни. Предъ лицомъ порока и зла, коренящагося въ человѣческой природѣ, а черезъ нее сообщаю-

щагося и всему міру, социализмъ есть только паллиативъ. Онъ не затрогиваетъ конечныхъ причинъ человѣческихъ страданій, въ этомъ смыслѣ онъ принадлежитъ вообще области средности, которую лишь по духовной слѣпотѣ своей онъ принимаетъ за нечто предѣльное и радикальное. Какъ медицина въ состояніи бороться съ болѣзнями и въ отдѣльныхъ случаяхъ ихъ побѣждать, однако совершенно бессильна побѣдить самую болѣзненность, источникъ болѣзней и смерти, такъ и социализмъ борется успешно или малоуспѣшно съ частными причинами бѣдности и насилія, не будучи въ силахъ ихъ совершенно исторгнуть. По своему паллиативному характеру социализмъ не имѣетъ значенія радикальной жизненной реформы, онъ есть благодѣтельность, одна изъ ея формъ, указываемыхъ современной жизнью, — и только всего. Торжество социализма въ жизнь не внесло бы ничего существа новаго. Также будутъ страдать и умирать люди, любить и ненавидѣть, завидовать и тщеславиться, предаваться тѣмъ же страстямъ и порокамъ, что и теперь, хотя и на иной манеръ, и также духовная высота будетъ достигаться только личнымъ подвигомъ, усиленіемъ восхожденія. Надо такъ слѣпо вѣрить во всемогущіе экономическія силы среды надъ человекомъ, какъ социалисты, чтобы допускать, что съ измѣненіемъ ея измѣнится и человѣческая природа. Человѣкъ вовсе не есть такая кукла или механизмъ, заводимый хозяйственною средою. Социализмъ обидно думаетъ о человѣкѣ въ этомъ своемъ оптимизмѣ. Если даже допустить, что прекратятся страданія отъ голода и будетъ совершенно побѣждена нужда (чего, впрочемъ, нельзя ожидать въ пол-

ной мѣрѣ), то тѣмъ чувствительнѣе станутъ нравственныя страданія, уколы самолюбія, раны любви, сомнѣнія и, наконецъ, ужасъ скуки и тоски отъ праздности, отъ досуга, съ которымъ такъ мало люди умѣютъ справиться достойно. Посмотрите теперь на жизнь обеспеченныхъ и богатыхъ классовъ, на которыхъ не лежитъ гнетъ нужды и заботы: какъ далека она отъ социалистическихъ представленій. Пессимизмъ Гартмана, согласно которому человѣчество стремится къ окончательному разочарованію и всеобщему самоубійству, имѣетъ во всякомъ случаѣ столь же много или столь же мало основаній, какъ и социалистическій оптимизмъ съ его дѣтскимъ невѣдѣніемъ зла въ человѣкѣ и полнымъ непониманіемъ человѣческой природы. Христіанство одинаково далеко, конечно, и отъ этого оптимизма, и отъ этого пессимизма: оно видитъ въ исторіи выявленіе и углубленіе борьбы добрыхъ и злыхъ началъ, ихъ трагическое противоборство, которое становится все напряженнѣе, и передъ концомъ міра, въ концѣ исторіи, достигаетъ наибольшей остроты. И социализмъ есть только одна изъ историческихъ ступеней на этомъ пути, историческій эпизодъ,—не болѣе.

Впрочемъ, христіанство не только не вѣритъ въ то, чтобы страданіе въ человѣкѣ могло быть побѣждено социализмомъ, но и не видитъ въ томъ ничего желательнаго, ничего идеальнаго. Напротивъ, это было бы духовнымъ паденіемъ для человѣка, пониженіемъ его существа. Ибо не для счастья рожденъ человѣкъ, и не къ счастью долженъ онъ стремиться, но къ духовному росту, который совершается лишь цѣною борьбы, страданій, испытаній. Не счастье, но блаженство, ду-

ховная радость, не сонное благополучіе, но горѣніе и пареніе духа способны насытить душу человѣка. Современный гуманизмъ, такъ называемая гуманность, считаетъ зломъ всякое страданіе и хочетъ освободить отъ него человѣка, задача столь же не исполнимая, сколь и невѣрная. Есть, дѣйствительно, страданія унижающія, притупляющія человѣка, но таковымъ же можетъ явиться и благополучіе, то самое „мѣщанское счастье, которое сулитъ, вмѣстѣ съ здоровымъ пищевареніемъ, будущему человѣчеству социализмъ. И, конечно, если бы такое мѣщанское счастье сдѣлалось всеобщимъ достояніемъ, человѣчество задохнулось бы отъ пошлости этого самодовольнаго благополучія, міръ постигла бы своеобразная социалистическая варваризація, предвкушеніе которой мы имѣемъ уже и сейчасъ, и тогда немногимъ, уцѣлѣвшимъ духовно, осталось бы прятаться въ подземелье отъ этой атмосферы социалистическаго мѣщанства.

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и вѣры,
Унесемъ зажженные свѣты
Въ катакомбы, пустыни, пещеры.

(В. Брюсовъ).

Но никогда не наступитъ это мечтаемое благополучіе, ибо не къ гармоніи и спокойствію, но къ послѣднимъ потрясеніямъ движется міръ.

IX.

„Духа не угашайте, пророчества не уничижайте“.

Итакъ, въ отношеніи къ социализму для христіанства должны оставаться руководящими призывы апостола, изъ которыхъ первый гласитъ: „духа не угашайте“, ибо социализмъ грозитъ великимъ угашеніемъ духа, но къ нему присоединяется тотчасъ и второй призывъ: „пророчества не уничижайте“. Надо разслышать „пророчество“ и въ социализмъ и не уничижить его невниманіемъ или предубѣжденіемъ. Пророчество въ социализмъ есть глухое и темное, однако неистребимое предчувствіе о томъ, что „преходитъ образъ міра сего“, растопится его кора, и въ водахъ мірозданія „Божій ликъ отобразится вновь“. Слово и глухо это пророчество въ социализмъ по сравненію съ тѣмъ, какъ дано оно въ христіанскихъ обѣтованіяхъ о новой землѣ и новомъ небѣ, въ нихъ же правда живетъ: „се Азь творю все вновь“. Но за то именно въ ту эпоху, когда поблѣднѣли и временно притупились въ христіанствѣ эти предчувствія, въ социализмъ они получили извѣстную жизненную силу. Соціалистическій апокалипсисъ для многихъ сталъ заслонять собой христіанскій именно потому, что ослабѣлъ въ сердцахъ этотъ послѣдній. Однако, если мы вспомнимъ о радостной эпохѣ первохристіанства, которая вся была проникнута апокалипсисомъ, ожиданіемъ скорого пришествія Спасителя и всеобщаго мірового переворота, мы можемъ указать надлежащее мѣсто робкимъ и нерѣшительнымъ мечтаніямъ социализма о хозяйственномъ переворотѣ, который обезпечитъ всеобщую сытость. Но еще возгорится въ христіанствѣ—вско..

рѣ, быть можетъ, уже нынѣ—это побѣдное ожиданіе, зовъ всей твари въ человѣческомъ сердцѣ: „ей, гряди, гряди вскорѣ“.

Соціализмъ и христіанство, хотя по существу дѣла между ними и могло бы не быть столкновенья или соперничества, однако сталкиваются въ настоящее время враждебно. Соціализмъ относится непримиримо къ христіанству, да въ сущности и ко всякой другой религіи, ибо самъ хочетъ стать религіей и вытѣснить всякую другую. Онъ требуетъ вѣры въ человека, какъ въ Бога, а въ законы хозяйственнаго развитія, какъ въ божественный промыселъ. Въ соціализмѣ можно усмотрѣть при благожелательномъ взглядѣ нѣкое пророчество, но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть несомнѣнно, и лжепророчество, которое уводитъ отъ Христа и вѣры Христовой. И потому, какъ бы ни было цѣнно и благотворно его социальное воздѣйствіе, его религіозное значеніе теперь убійственно и притупляюще, онъ пользуется социальными благами, дѣйствительными или призрачными, въ качествѣ предъщенія, воспроизводя первое искушеніе въ пустынѣ. И надо найти въ себѣ религіозную силу, чтобы жизненно, а не на словахъ только отвѣтить соціализму: не о хлѣбѣ единомъ живетъ человекъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ. Соціализмъ есть проповѣдь царства отъ міра сего, пророчество о пострѣеніи башни, послѣдняя и самая рѣшительная попытка человечества устроиться безъ Бога, добыть земной рай, съ тѣмъ, чтобы совершенно и окончательно забыть объ утраченномъ Эдемѣ, о небѣ. Христіанство же есть царство не отъ міра сего, хотя путь къ нему проходить и черезъ этотъ міръ, оно подготавливается въ человѣческой исто-

ріи. Еще блаженный Августинъ, бывшій очевидцемъ величайшаго мірового потрясенія—паденія Рима, выразилъ съ полной ясностью мысль о томъ, что два града строятся въ человѣческой исторіи, два начала строительства противоборствуютъ. Одно начало—Христово, которое содержится въ христіанской церкви, а другое—царство человѣческое, причемъ, когда человѣкъ остается безъ Бога, то царство его становится діавольскимъ, антихристовымъ. И чѣмъ дальше совершается исторія, тѣмъ отчетливѣе и рѣзче вырисовывается эта двойственность духовныхъ началъ европейской исторіи. Въ сердцахъ человѣческихъ идетъ эта борьба, рѣшается вопросъ о томъ, кому поклониться и повѣрить: Христу, царство Коего не отъ міра сего, или же князю міра сего. Эта же борьба идетъ и въ душѣ социализма. Но никакія блага міра, никакія его обѣтованія не должны угасить въ христіанской душѣ вѣры и любви къ Спасителю, Который сказалъ Своимъ ученикамъ: „Безъ Мене не можете творити ничесо же“, Который научилъ насъ молиться: „Да придетъ Царствіе Твое“.

Примѣчаніе. Желающіе получить болѣе подробное знакомство и болѣе широкое обоснованіе мыслей, здѣсь выраженныхъ, могутъ обратиться къ слѣдующимъ моимъ книгамъ: 1) Отъ марксизма къ идеализму, 1903 г.; 2) Два града. Изслѣдованія о природѣ общественныхъ идеаловъ. Два тома. 1910 г.; 3) Философія хозяйства. 1912 г.; 4) Очерки по исторіи экономическихъ ученій, вып. I. 1913 г.; 5) Свѣтъ Невечерній. Созерцанія и умозрѣнія. 1917 г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
„НАРОДОПРАВСТВО“.

Въ первыхъ номерахъ напечатаны статьи и очерки слѣдующихъ авторовъ:

Проф. Н. Н. Алексѣева, Д. Аркина, Н. А. Бердяева, Г. Вильямса, проф. Б. П. Вышеславцева, В. Дороватовской, А. А. Евдокимова, Бор. Зайцева, проф. В. В. Зѣньковскаго, Н. М. Иорданскаго, прив.-дон. Ю. В. Ключникова, С. С. Кондурушкина, Е. Коровина, Бориса Кремнева, В. Муравьева, В. В. Островскаго, А. Пойминова, М. Пришвина, Алексѣя Ремизова, Петра Рысса, проф. А. А. Рождественскаго, Б. Савинича, пр.-доп. А. Саккети, проф. М. Н. Соболева, свящ. С. М. Соловьева, проф. Е. Спекторскаго, гр. Алексѣя Н. Толстого, проф. В. М. Устинова, прап. Ушакова, проф. М. И. Фридмана, пр.-доц. Н. Н. Фиолетова, Георгія Чулкова и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

На одинъ мѣсяць — 1 р. 20 к., на три мѣсяца — 3 руб. Цѣна отдѣльнаго номера 40 к. Общественныя демократическія организаціи пользуются льготными условіями.

Адресъ конторы: Москва. Б. Дмитровка. д. 13, кв 18.

Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи: Москва. Смоленскій бул., д. 8. Телеф. 4-27-29 и 61-03.

Издательство „КОРАБЛЬ“.

А. Вѣтровъ. Во что сегодня вѣритъ Германія? Ц. 65 к.

А. В. Карташевъ. Реформа, реформація и исполненіе церкви.
Ц. 1 р. 25 к.

Д. С. Мережковскій. Зачѣмъ Воскресъ? Религіозная личность и общественность. Ц. 40 к.

Георгій Чулковъ. Судьба Россіи. Бесѣда о современныхъ со-
бытіяхъ. Ц. 65 к.

Москва. Складъ Московской Просвѣтительной Комиссіи.
Б. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел. 2-39-96.

БРОШЮРЫ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ проф. Н. Н. АЛЕКСѢЕВА.

1. Пр.-доц. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Новѣйшая республиканская конс (Португалія). Ц. 40 коп.
2. Пр.-доц. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Два русскихъ Учредительныхъ (1613 и 1917 г. Ц. 30 коп.
3. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Народъ и классы въ русской революціи. Ц
4. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Возможна ли социальная революція? Ц.
5. Е. БОРИСОВЪ. Гражданинъ и обыватель. Ц. 30 коп.
6. А. ОГЛИНЪ. Армія въ демократическомъ государствѣ. Ц.
7. Проф. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. Что такое социализмъ? (Печата
8. Проф. Б. П. ВЫЩЕСЛАВЦЕВЪ. Анархизмъ. (Печатается).
9. Б. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ Смутное время. (Печа
10. Пр.-доц. С. Ф. КЕЧЕКЪЯНЪ. Что такое свобода? (Печатается).
11. Проф. Е. В. СПЕКТОРСКІЙ. Что такое конституція? Ц. 30
12. Проф. В. М. УСТИНОВЪ. Власть народа. Ц. 40 коп.
13. ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Бакунинъ и бунтари 1
Ц. 30 коп.
14. Проф. А. С. ЯЩЕНКО. Что такое федеративная республика
тельна ли она для Россіи? Ц. 30 коп.
15. Пр.-доц. Н. Н. ФІОЛЕТОВЪ. Церковь и государство. Ц. 30
16. БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Бесѣда о войнѣ. Ц. 30 коп.
17. Проф. Н. М. СОБОЛЕВЪ. Земельный вопросъ. Ц. 30 коп.
18. Проф. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Пропорціональные выборы.
19. Проф. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Ученіе объ Учредительн
браніи. Ц. 30 коп.
20. Проф. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика. Ц. 35 ко
21. А. ПОЙМИНОВЪ. Единая и нераздѣльная Россія. Ц. 30 к.
22. Н. Ф. ЕЗЕРСКІЙ. Чего хотятъ нѣмцы и чего хотимъ мы съ
ками? Ц. 40 коп.
23. ВЛ. ОСТРОВСКІЙ. Прямое народное законодательство. Ц. 3
24. В. БАЙКОВЪ. Страхование отъ безработицы. Ц. 30к.
25. Проф. С. Н. БУЛГАКОВЪ. Христіанство и социализмъ. Ц.
26. Свящ. СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ. Вопросъ о соединеніи цер
связи съ паденіемъ самодержавія Ц. 30 к.